

Media Memory: Theoretical Aspect

Denis S. Artamonov

Saratov State University. Saratov, Russia. Email: artamonovds[at]mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the theory of media memory and its role in the construction of collectively shared ideas about the past. The author proceeds in his work from McLuhan's expansive interpretation of media. The processes of mediatization of communicative and cultural memory are being analyzed. Considering the views of Y. M. Lotman and J. Assman on cultural and communicative memory, the author comes to the conclusion that their theories explaining the functioning of collective memory in the era of oral and written communication, cease to work when describing the mechanisms of memory reproduction in the digital environment. Theories of mediatization of memory regard communicative memory are limited to J. Assman's understanding of, that is, as a memory of the recent past covered by the time of the existence of contemporary digital media. Based on the works of J. Garde-Hansen, E. Hopkins and others, the author considered the theory of digital memory showing its difference from mediamemory. The processes of mediatization of collective memory in the digital environment lead to the emergence of media memory as a special virtual mechanism for constructing ideas about the past. Media memory possesses the characteristics of communicative, cultural and digital memory simultaneously, being a phenomenon of the digital era, where the change in the means of communication has led to the transformation of the content of memories and ways of their reproduction.

Keywords

Mediamemory; Mediatization; Communicative Memory; Cultural Memory; Digital Memory; Ideas about the Past

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Медиапамять: теоретический аспект

Артамонов Денис Сергеевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, Россия. Email: [artamonovds\[at\]mail.ru](mailto:artamonovds[at]mail.ru)

Аннотация

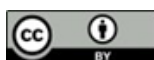

Статья посвящена исследованию теории медиапамяти и ее роли в конструировании коллективно-разделяемых представлений о прошлом. Автор исходит в своей работе из маклюэнского расширительного толкования медиа. В работе анализируются процессы медиатизации коммуникативной и культурной памяти. Рассматривая взгляды Ю. М. Лотмана и Я. Ассмана на культурную и коммуникативную память, автор приходит к выводу, что их теории, объясняя функционирование коллективной памяти в эпоху устной и письменной коммуникации, перестают работать при описании механизмов воспроизводства воспоминаний в цифровой среде. Теории медиатизации памяти в цифровую эпоху ограничиваются рассмотрением коммуникативной памяти в понимании Я. Ассмана, т. е. памяти о недавнем прошлом, охваченным временем существования современных цифровых медиа. Опираясь на работы Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинса и др., автор рассмотрел теорию цифровой памяти, показав ее отличие от медиапамяти. Процессы медиатизации коллективной памяти в цифровой среде приводят к возникновению медиапамяти как особого виртуального механизма конструирования представлений о прошлом. Медиапамять обладает одновременно характеристиками коммуникативной, культурной и цифровой памяти, являясь феноменом цифровой эпохи, где изменение средств коммуникации привело к трансформации содержания воспоминаний и способов их воспроизводства.

Ключевые слова

медиапамять; медиатизация; коммуникативная память; культурная память; цифровая память; представления о прошлом

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Проблема конструирования представлений о Прошлом в ситуации тотальной цифровизации, постправды, мемориального бума и медиатизации культуры ставит задачу изучения процессов модификации форм коллективной памяти в медиасреде. Интеграция печатной культуры книги, традиционных средств массовой информации в цифровое пространство и рост социальных медиа, стремящихся захватить каждого человека в свою орбиту, приводят к изменениям в способах воспроизводства образов прошлого, являющихся основой формирования культурной памяти.

Один из первых теоретиков медиа М. Маклюэн, предложивший их расширительное толкование, предполагал вслед за поэтом С. Малларме, сочинившем метафору «весь мир от начала и до конца существует в книге», что всё будет перенесено в память компьютера (Маклюэн, 2003, с. 33). Компьютер сменил книгу, и это можно воспринимать в данном контексте как символ цифровой медиатизации, ведущей к модификации памяти. М. Маклюэн отмечал, что человек, обладая особым аппаратом передачи и изменения информации, имеет возможность сохранять накопленный человечеством и свой собственный опыт, но эта его способность одновременно является также средством трансформации этого опыта. Новые средства коммуникации, как он показал на примере появления письма и книгопечатания, никогда не являются простым добавлением к старому, они не оставляют в покое прежние коммуникационные каналы, подавляя их до тех пор, пока им не найдется новое положение и они не обретут новые формы. Рукописная культура поддерживала устную традицию диспутов в сфере образования, пока не была внедрена процедура обучения по единому печатному тексту, а после этого со схоластическим режимом разговорных жанров было покончено. В то же время печать дала письменной культуре «огромную новую память, на фоне которой индивидуальная память стала неадекватной» (Маклюэн, 2003, с. 88). Появление электрических технологий также имело глобальные последствия для языка и, следовательно, для индивидуальной памяти. Они сделали ее еще более ненадежной, нерелевантной, она стала более зависимой от печатного текста, переведенного в электронный формат. При переходе от устной речи к письму человек стал заполнять свою память образами книжной рукописной культуры, а с появлением печати культурная память стала преобладать в структуре индивидуального и коллективного сознания. Цифровизация культуры, означающая не только машинную оцифровку артефактов и текстов, но и перевод их в виртуальный формат, обладающий символической визуальной характеристикой, приводит к очередной трансформации памяти под воздействием новых средств коммуникации.

Медиатизация коммуникативной и культурной памяти

Процесс медиатизации культурной памяти запустили электронные медиа (радио, кинематограф, телевидение и т.д.), а в условиях их цифровизации он стал более очевидным. Между тем существующие теории культурной памяти основаны на анализе устной, рукописной и печатной традиций и подходят только для их описания. Ю. М. Лотман понимал культуру как ненаследственную память коллектива, связанную с прошлым историческим опытом. По его мнению, прошедшее дается в двух проявлениях, как непосредственная память текста и как соотношение с внетекстовой памятью, т. е. культурным контекстом, и, хотя содержанием памяти является прошлое, она представляет собой инструмент мышления в настоящем. Тем самым культурную память можно рассматривать как активный механизм иерархического структурирования текстов, увеличения их объема, перераспределения в ячейках структуры и забвения. Тексты содержат в себе возможности бесконечных интерпретаций, генерируя исторические образы, которые переносятся культурой в прошлое, и, воздействуя на настоящее, осуществляют диалог между ними. Представляя память как библиотеку или компьютер, хранилища больших данных, Ю. М. Лотман видит ее генератором мыслимой реальности, переносимой сознанием в прошлое и воспроизводящим его заново. Он считает, что тексты, выполняя мнемоническую символическую роль, обладают способностью концентрировать в себе, сохранять и реконструировать память о своих предшествующих контекстах. Устная культура позволяла сохранять лишь то, что прочно вошло в традицию, а письменная – исключительные события, оказавшиеся зафиксированными в текстах, индивидуализация которых позволяла плодить эти тексты в неограниченном количестве. Наличие текстов в культуре позволяет актуализировать их в современности, что составляет культурную память письменной эпохи. Письменная культура ориентирована на прошлое, а устная – на будущее, что доказывается огромным значением предсказаний, гаданий и пророчеств, входящих в традицию дописанных обществ. Тем самым устная и письменная память противопоставляются друг другу в практиках работы с символическим прошлым (Лотман, 2010, с. 363-370, 614-621, 673-675).

Природа этого противопоставления, только намеченная Ю. М. Лотманом, раскрыта Я. Ассманом. Он полагал, что прошлое может существовать только тогда, когда к нему обращаются, а для этого должны сохраняться его свидетельства. В устной культуре хранилищем памяти о прошлом является язык, зафиксировавший традицию, в письменной – текст, запечатлевший определенный сложившийся канон воспоминания о прошлом. В культурной памяти прошлое сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание, направленное на фиксированные моменты в прошедшем. Этими фигурами воспоминания являются мифы, символы, ритуалы, образы, отраженные средствами коммуникации. Коммуникативная система выраба-

тывает некую внешнюю область (коммуникативную и культурную память), куда выносятся на хранение информация, имеющая культурный смысл, и откуда она вызывается обратно по мере востребованности. В дописьменную эпоху внешнее хранилище остается тесно связанной с коммуникационной системой, и культурные смыслы практически совпадают с теми смыслами, которые циркулируют внутри группы одной эпохи. Изобретение письма произвело революционную трансформацию культурной памяти, она обособляется от системы коммуникации и усложняется, получая возможность выходить за рамки одного исторического периода. Устная память, включаясь в письменные практики воспроизводства прошлого, также не остается без изменений, она превращается в коммуникативную память, которая сохраняет воспоминания, связанные с недавним прошлым, и охватывает одно-два поколения. Я. Ассман разделяет культурную и коммуникативную память, отмечая, что последняя задается рамками личного и коммуникативного опыта, являясь предметом внимания устной истории, “oral history”, а первая воссоздает в воспоминаниях историю, имеющую обосновывающий характер, создавая и объясняя реальность прошлого в настоящем. Культурная память характерна и для дописьменных сообществ, имея своих носителей (шаманы, барды, жрецы) и способы конструирования прошлого (обряды, праздники), но в эпоху письменности она становится лучше структурированной, оформленной текстами, распространяясь благодаря целенаправленным действиям специалистов-хранителей (учителей, писателей, художников, ученых), использующих практики интерпретации текстов (Ассман, 2004, с. 20–25, 52–59).

В эпоху традиционных «аналоговых» СМИ разделение коммуникативной и культурной памяти было еще более очевидно. Средства массовой информации, включая книгоиздательскую деятельность, стали трансляторами культурной памяти, проводниками исторической политики, монополизировав производство представлений о прошлом. Коммуникативная память существовала параллельно, выражая себя в устной истории, семейной памяти, городском фольклоре, шутках, анекдотах и т. п.; иногда она противостояла культурной памяти, но все больше испытывала на себе влияние медиа. Одним из показателей этого процесса, например, было использование кинематографических и мультипликационных героев в советских анекдотах (Михайлин, 2021, с. 55–60) или проникновение рекламных образов в массовую западную культуру (Fowles, 1996).

Противопоставление коммуникативной и культурной памяти было основано на различии устной и письменной коммуникации, однако увеличение роли массмедиа в жизни общества и появление социальных медиа ее нивелировало. Невозможность разделения обоих видов коллективной памяти привела некоторых исследователей к необходимости говорить о существовании коммуникативно-культурной памяти, возникновение которой обусловлено процессами медиатизации (Сумская & Свердлов, 2019, с. 39; Олешко & Олешко, 2020, с. 20). Объединение двух терминов при описании влияния новых медиа

на коллективную память предполагает, что коммуникативная и культурная память продолжают существовать в условиях синкретизма символических и повседневных воспоминаний, а также целостности восприятия образов прошлого. Между тем исследование медиатизации показывает, что человек не вспоминает недавнее прошлое без медиа, а культура практически полностью интегрирована в медиапространство.

Феномен медиатизации привлек внимание исследователей с середины 1990-х гг.; данный термин был использован впервые Дж. Б. Томпсоном для описания изменения роли медиа в современном обществе (Thompson, 1995). Медиа перестали быть институционально-организованными структурами, передающими информацию, они, имея возможность транслировать и навязывать культурные образы, начали определять содержание и форму социальных практик и взаимодействие аудиторий. Общество становится полностью зависимо от медийных технологий, а погружение человека в информационный поток создает предпосылки для определяющего влияния медиа на общественное сознание. Медиакоммуникационные институционализированные системы были не просто вовлечены в общую циркуляцию символов в социальной повседневности, они стали трансформировать окружающую среду и менять условия производства и восприятия медиасообщений. Медиатизация изменила человеческое общение, сделав большинство коммуникационных актов опосредованными. Преобразуя общественные отношения на всех уровнях социальной реальности, массмедиа трансформировали коммуникационные практики конструирования социального и культурного мира. Общество не только использовало медиатехнологии для репрезентации действительности, оно растворилось в медиа, и, будучи в нем полностью представлено, стало зависеть от логики медиа. Средства массовой информации уже не могут рассматриваться отдельно от общественных институтов, общество насыщено медиа до такой степени, что они начинают детерминировать социокультурную динамику и векторы развития. Медиа определяют картину мира человека, воздействуя на его мышление, они погружают его в среду, в которой происходит производство культурных кодов, позволяющих конструировать и деконструировать реальность (Гуреева, 2016, 195-200).

Тотальное влияние медиа на общественное и индивидуальное сознание поставило вопрос о медиатизации памяти. Исследовательница медиа Жози ван Дейк, сфокусировавшись на изучении воздействия электронных технологий передачи информации на индивидуальную память, пришла к выводу, что медиа и память трансформируют друг друга. В центре ее внимания была автобиографическая память, на примере которой ей удалось показать, как информационные технологии формируют ощущение прошлого, настоящего и будущего человека в отношении его с другими. Сравнивая традиционный бумажный дневник и интернет-блог, Ж. ван Дейк утверждала, что оба они служат не только средством коммуникации, но и инструментом самоформирования индивидуальной памяти; однако основная функция блога заключа-

ется в возможности синхронизировать субъективный опыт пишущего с опытом других (Dijk, 2007, p. 72), и тем самым личное воспоминание при помощи медиатехнологий становится частью общего представления о прошлом. Будучи убежденной, что воспроизводство коллективного опыта прошлого возможно только через личную память, Ж. ван Дейк показывает, что оно опосредовано медиатехнологиями. По ее мнению, воспоминания не располагаются только в мозгу человека или только за его пределами, они сосуществуют одновременно, проявляя себя через сложные интеракции между сознанием и материальными объектами, размещенными в культурном пространстве. В связи с этим она признает, что культурные рамки задают структуру мышления и позволяют необработанный опыт восприятия прошедшего превратить в готовые структурированные воспоминания (Dijk, 2007, p. 40). Это заставляет исследовательницу обратиться к проблематике культурной памяти. Она полагает, что появление новых визуальных технологий изменило способы восприятия действительности, а фотографии и домашнее видео оказывают определяющее воздействие на конструирование представлений о прошлом. Вместе с тем эти визуальные объекты опосредованной памяти представляют собой воплощение социокультурных практик общества, конструирующих представление о прошлом в социальных рамках памяти (Сафронова, 2019, с. 172-173). Ж. ван Дейк полагает, что культурные нормы, конвенции и существующие коммеморативные практики, опосредованные медиа, определяют способы производства воспоминаний, но она сосредотачивается в своем исследовании на изучении представлений о недавнем прошлом, ограниченном жизнью одного индивида, его поколения и современных ему медиа, т. е. ограничивается рамками коммуникативной памяти.

Этими же рамками ограничены работы сборника "On Media Memory. Collective Memory in a New Media Age", в котором ставится задача определения новой области исследований на пересечении интересов *memory studies* и *media studies*. Его редакторы М. Нейгер, О. Мейерс и Э. Зандберг предложили использовать понятие *media memory* (медийная память) по аналогии с коллективной памятью М. Хальбвакса (Хальбвакс, 2007), показав, что медиа функционируют в качестве одного из агентов памяти, реконструируя прошлое с помощью данных, взятых из настоящего. Большинство исследований сборника были основаны на анализе новостных текстов и визуальной медиainформации, посвященной прошлому, в которых были показаны различные контексты конструирования воспоминаний. Авторы показали, как различные СМИ формируют разные версии прошлого, причем различие зависит не только от социально-политического контекста, но и видов медиа. Характеристики конкретных средств массовой информации напрямую связаны с моделями воспоминаний, печатные газеты и журналы, радио и телевидение создают более устойчивые связи между событием, его репрезентацией и памятью, чем интернет-медиа. Представители старшего поколения американцев смогли

с уверенностью назвать СМИ, из которого они узнали о нападении японцев на Перл-Харбор, в отличие от молодежи, затруднившейся назвать источник своих сведений о террористических атаках 11 сентября 2001 г. (Neiger et al., 2011, p. 17).

Представленные в сборнике исследования сосредоточиваются на изучении роли журналистов, редакторов, маркетологов, рекламодателей, выступающих «изобретателями памяти» (в хальбваксовском понимании) и производящих ностальгические призывы к несуществующему прошлому. Они на основе различных сервисов строят свои идеи и версии прошлого, которые передаются более широкой аудитории. СМИ, конструирующие социальную реальность, опосредуют взаимосвязь между собранными репрезентациями событий и коллективной памятью, т.е. они создают взаимодействие между совокупными воспоминаниями многих людей и публичными представлениями о прошлом. Концепция сборника строится на стремлении авторов вписать память медиа в структуру коллективной памяти, а в совокупности с тем, что они ограничивают возможности СМИ в конструировании прошлого лишь относительно недавними событиями, отраженными в них, можно говорить о том, что в этом понимании медийную память можно считать коммуникативной памятью.

В своей относительно недавней статье М. Нейгер рассмотрел отношения между медиа и коллективной памятью, изучив шесть элементов этого феномена: разнонаправленное положение (от настоящего к прошлому и наоборот), конкретизацию в медиатекстах и других продуктах, функциональную роль в обществе, социально-политические аспекты, технологические качества процесса медиатизации и нарратологические характеристики. По мнению автора, все эти элементы являются значимыми атрибутами культурной памяти, формируемой при помощи медиа в эпоху цифровых технологий (Neiger, 2020). Исследование этих элементов, как полагал М. Нейгер, подтверждает определение медиапамяти, данное им в 2011 г. в проанализированном выше сборнике, как системного механизма конструирования коллективного прошлого посредством средств массовой информации, с тем дополнением, что в цифровую эпоху наблюдается более широкое использование социальных сетей в качестве доступного архива коллективной памяти.

Цифровизация коллективной памяти

Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь и дигитализация коммуникационных процессов сделала уже невозможным понимание культурной памяти как результата устной или письменной коммуникации. Виртуализация общения в сети Интернет, которая позволяет сочетать форматы устной и письменной передачи информации, меняет способы конструирования представлений о прошлом. Изменились также и средства хранения и передачи информации, что позволило рассматривать память как пространство

интерфейсов, гаджетов, облачных хранилищ, социальных сетей, чатботов, форумов, сохраняющих данные на определенном машинном языке и делающих возможными любые цифровые репрезентации сведений о прошлом (Мороз, 2019, с. 407).

По мнению редакторов сборника “Save as... Digital memories”, цифровизация коммуникационных процессов и средств хранения информации изменяют сущность коллективной памяти, делая ее цифровой. Дж. Гарде-Хансен, Э. Хоскинс, А. Реддинг в своих работах наметили основные пути трансформации коллективной памяти, предложив термин “digital memory” для ее описания. Прежде всего они исходят из очевидного факта, что память в цифровую эпоху конструируется в практиках сотворчества человека и машины в социальном акте создания и переформатирования архивов, фиксирующих информацию о прошлом языком вычислительных технологий. Авторы совершили переход от рассуждений о тотальной медиатизации социальных феноменов, к которым они относят и память, к гипотезе о ее дигитализации. Они утверждают, что коллективная память в цифровую эпоху невозможна без машины. Э. Хоскинс следует в понимании коллективной памяти за М. Хальбваксом, видя в виртуальном общении равных с равными, образующем одноранговые сети взаимодействия, основу социальных рамок памяти, воздействующих на индивидуальные воспоминания и я-идентичность. Более того, он считает, что при онлайн-коммуникации принадлежность к группе ощущается индивидом сильнее, а значит, более высока степень зависимости его памяти от коллективных представлений. Личное и общественное переплетаются на индивидуальном уровне с помощью цифровых технологий, которые опосредуют повседневную жизнь и воспоминания о событиях. В условиях все большей интеграции повседневности в медиа память становится «опосредованной», события регистрируются и впоследствии документируются с помощью сочетания личных свидетельств, постов в социальных медиа и публичных новостных репортажей СМИ. Цифровые медиа оказывают определяющее влияние на формирование представлений о прошлом, используя сложные оцифрованные системы хранения и поиска информации для контекстуализации и немедленной интерпретации важных историй в дискурсах устоявшихся эмоций и нарративов (Garde-Hansen et al., 2009, p. 23-26). Технологические изменения, а особенно распространение широкополосного Интернета, позволили авторам сборника сместить акцент с изучения коллективной памяти на цифровую память, которую они понимают как социальное пространство конструирования и хранения представлений о прошлом с помощью социальных сетей и цифровых технологий, имея ввиду память о событиях, доступных регистрации и поиску в новых медиа.

Проблему формирования индивидуальной и коллективной памяти в цифровую эру Дж. Гарде-Хансен рассматривает в своей книге “Media and Memory”, обращаясь к изучению роли различных институтов, таких как новостные корпорации, газеты, телевизионные компании, музеи, архивы,

подвергнувшихся тотальной цифровизации. Она понимает память как опосредованную, сетевую и цифровую, рассматривая ее с точки зрения динамической взаимосвязи между личным и коллективным, приводя в пример истории семей, собираемые и загруженные в социальные сети, где родственники их совместно используют, просматривая новости друг друга (Garde-Hansen, 2011, с. 149). Люди создают воспоминания при помощи медиа не только для личного архивирования, но и для того, чтобы внести свой вклад в историю группы, для связи с другими людьми, местами и историями. Цифровые медиа, по мнению исследовательницы, выполняют функции архивов, создаваемых интернет-пользователями. Это могут быть архивы семейных видео, мемориальные сайты, посвященные какому-либо событию, онлайн-коллекции интервью, электронные версии бумажных изданий, цифровые блоги, мемориальные страницы исторических деятелей и т. п. Тем самым Дж. Гарде-Хансен отводит цифровой памяти роль хранилища воспоминаний о событиях, связанных с личными представлениями о прошлом, формируемыми медиа в настоящем.

В сборнике “Digital Memory Studies. Media Pasts in Transition” в двух ключевых теоретических главах Э. Хоскинс, обозначая направления влияния новых медиа на трансформацию памяти, говорит о том, что оно не исчерпывается переводом аналоговых записей в цифровые. Новые медиа обладают интерактивностью, которая приводит к качественным изменениям взаимосвязей индивидов в пространстве и времени. Для них становится неважным содержание передаваемых сообщений, так как на первый план выходит сам факт социального акта, реального или воображаемого, факт взаимосвязи и взаимобязательности. В книге на примере исследования телевидения, видеоигр, социальных сетей, институтов памяти и сетевой политики показано, каким образом цифровые медиа, сети и архивы переформатируют индивидуальную и социальную память. Э. Хоскинс обозначил эту трансформацию как коннективный поворот, который освобождает память от традиционных границ пространственного архива организаций и учреждений и распространяет ее между индивидами, личной и общественной жизнью при помощи машинных алгоритмических действий (Hoskins, 2017, р. 11). Новые способы поиска, сортировки, использования, конструирования и забвения прошлого строятся на практиках совместного использования контента (шэринг), основанного на принципе обязательного участия и взаимности в принятии цифровых ценностей. В. Эрнст, один из авторов сборника, делает вывод, соотносимый с основной идеей всей книги, о том, что дигитальные связи вытесняют прежние способы сохранения памяти, все более увеличивая значение машинных алгоритмов, предлагающих удобные формы переработки воспоминаний и их реактивации. В этих условиях память больше не направлена на поддержание линейной связи между прошлым, настоящим и будущим, а работает по принципу «доступно / недоступно» (Hoskins, 2017, р. 146). Содержание памяти перестает иметь значение, запоминаются не документы и их

смыслы, и даже не вербальные семиотические формы, а алгоритмы, позволяющие получать доступ к прошлому в настоящем.

Одной из определяющих характеристик коллективной памяти является ее коммуникативная природа, ее осмысление как цифровой, прослеживаемое в теоретических исследованиях направления *digital memory studies*, обусловленное цифровизацией способов коммуникации. Цифровая память формирует коллективно-разделяемые представления о прошлом в процессе взаимодействия индивидов и фиксации социальных актов в документах или воспоминаниях, с тем отличием, что в цифровую эпоху эта коммуникация все более опосредуется медиатехнологиями. Теории цифровой памяти хорошо показывают процессы трансформации коммуникативной памяти, ограниченной недавним прошлым, и не учитывают изменений культурной памяти под воздействием медиа и социальных сетей, которые участвуют в конструировании представлений не только не недавнем, но и далеком прошлом, определяя исторические взгляды людей цифровой эпохи.

Медиапамять в цифровом обществе

В цифровом обществе коллективная память подверглась настолько глубокой трансформации, что требуется введение новых понятий для ее описания. Существующие теории медиатизации и цифровизации коллективной памяти показывают, как она функционирует посредством электронных медиа и цифровых технологий. Эти теории объясняют, как конструируются представления о прошлом, попавшем в медиа в качестве новостей или воспоминаний о недавних событиях, имеющих отношение к жизни одного-двух поколений. Влияние же культурных образов и исторических событий более ранних периодов на коллективно-разделяемые представления о прошлом игнорируется исследователями цифровой памяти и медиа. Одно из немногих исключений составляет Астрид Эрлл, которая полагала, что основанная на коммуникации, опосредованной медиа, культурная память конструируется различными символическими системами религиозных текстов, исторической живописи, историографии, телевизионной документалистики, памятников и коммеморативных ритуалов (Erll, 2008, p. 389). Традиционные медиа поглощают пространство культуры, для которых она является неиссякаемым источником визуальных образов и текстов, а цифровые медиа стремятся оцифровать каждый культурный объект. Культура становится медийной и цифровой, но она продолжает оставаться генератором представлений о прошлом.

Определяющее влияние цифровых медиа, вобравших в себя также и медиа традиционные, на культуру, коммуникацию, социальные отношения позволяет говорить о складывании особого механизма создания, воспроизводства, хранения и забвения коллективно-разделяемых представлений о прошлом — медиапамяти. Тотальное погружение индивида в мир цифровых

медиа не позволяет уверенно предполагать, какие именно воспоминания получены им в процессе непосредственного устного общения с другими людьми, какие взяты из текстов и документов, и какое влияние на его память оказали культурные образы, так как все они существуют в пространстве медиа, берутся из медиа и туда же возвращаются.

Социальные медиа нивелировали различие устной и письменной коммуникации, основанной на том, что первая воспринималась как непосредственная, а вторая как опосредованная средствами передачи информации. Видео и голосовые сообщения в социальных сетях и мессенджерах представляют собой устную форму передачи информации, но без медиа они не существуют, а письменная коммуникация благодаря им же происходит в режиме реального времени, здесь и сейчас, и обладает эффектом разговорной речи, выражаемой не только в том, что под нее подстраивается стиль письма, но и в том, что ответ на сообщения можно получить почти мгновенно, как при живом разговоре. Интернет-пользователи продолжают получать информацию о значимых событиях в процессе устной и письменной коммуникации друг с другом, в результате которой формируются представления о прошедшем, но эта коммуникация уже опосредована цифровыми социальными медиа; они же становятся местом хранения воспоминаний, материализованных в текстовых, графических, визуальных, видео и аудио электронных материалах.

Хранилища социальной памяти – архивы, библиотеки и музеи, – переводятся в цифровой формат. Цифровизация хранилищ информации проводится как на институциональном уровне, по инициативе государства, так и при помощи большого количества добровольцев, заинтересованных в создании облегченного доступа к задокументированному прошлому посредством сети Интернет (Ланская и др., 2019). Интернет-пользователи создают также в социальных медиа свои частные архивы, они переносят свою личную информацию на цифровые устройства и размещают в Сети, поскольку она хранит любую опубликованную информацию. Хранение цифровой информации и обмен ею посредством социальных сетей дает людям возможность формировать свои воспоминания и идентичность. Социальные сети являются быстрорастущей платформой для демонстрации и обмена личной информацией визуального и текстового формата в целях знакомства и общения с виртуальными друзьями; тем самым создается общее пространство онлайн-памяти, медиапамяти. Интернет-пользователи отождествляют социальную сеть с собственным «цифровым архивом», «цифровым альбомом», которые заменили им семейный альбом и личный архив. В цифровой среде количество личных архивов многократно возросло по сравнению с доцифровой эпохой, так как социальные сети выполняют роль хранилищ даже помимо целенаправленного желания их владельцев; но главная их особенность заключается в том, что увеличились возможности обмена воспоминаниями. Обмен индивидуальными воспоминаниями пользователей цифровых медиа приводит к формированию «совместной памяти», – эта форма памяти является автобиографиче-

ской и коллективной, частной и публичной, генерируемой пользователями и интернет-платформами (Baltezarević et al., 2020). Такая память обладает и человеческими, и технологическими характеристиками, соединяя распределительную логику цифровой сети, логику хранения физической памяти и механизмы коллективной памяти.

На основе личных архивов блогосферы создаются цифровые архивы частной памяти под руководством историков-профессионалов, реализующих различные проекты публичной истории и пишущих исторические работы, обогащающих коллективные представления о прошлом (Петров, 2021). Наблюдаемый рост популярности цифровых архивов связан с их ролью в качестве «точек опоры» памяти и стремлением, подмеченным еще П. Нора, сохранить вообще все следы прошлого (Нора, 1999, с. 30). Цифровизация предоставляет удобные инструменты хранения информации практически неограниченного объема и превращения следов прошлого в воспоминания.

Оцифровка коммуникации одновременно приводит к медиатизации культуры и общества. Воспоминания, воспроизводимые на цифровых носителях, включают в себя черты автобиографического и коллективного прошлого одновременно с культурными и историческими образами. Контент, создаваемый пользователями с использованием современных информационных и коммуникационных технологий с целью репрезентации своих представлений о прошлом, включает в себя не только личную информацию, но и элементы популярной культуры, интегрированной в медиа. Социальные сети показали себя как место массовой культурной памяти, приобретая легитимность, аналогичную легитимности официальных источников коллективной памяти или, по крайней мере, конкурирующую за нее (Bartoletti, 2011, p. 86). Открытость цифровых медиа для создания контента позволяет им играть роль платформы для обмена воспоминаниями, представлениями и культурными образами. Индивидуальные воспоминания сталкиваются с культурными и историческими образами, соединяются с ними, от чего возникают новые интерпретации прошлого.

Цифровые медиа технологии стимулируют интернет-пользователей быть не только потребителями, но и активными авторами уникального исторического контента, воспроизводящего представления о прошлом. Г. В. Агеева, говоря о медиатизации памяти, пришла к выводу, что информационные технологии позволили расширить практики представления прошлого через социальные медиа, а также круг лиц, создающих и потребляющих информацию мемориального свойства. (Агеева, 2012). В. Н. Мерзлякова, на примере конструирования коллективной памяти о 90-х гг. XXв., показала, что пользователи создают в социальных сетях свои версии этой эпохи, ориентируясь не столько на собственные воспоминания, сколько на информацию, почерпнутую из медиаисточников, и образы популярной массовой культуры (Мерзлякова, 2020).

Медиаобразы заменяют индивиду его собственные воспоминания, они проникают в автобиографию и семейную историю. Воспоминания о крупных событиях современности индивиды получают из медиа, новостей, документальных фильмов, видеосюжетов. Пользователи не являются их непосредственными свидетелями, но включают в свою память наравне с другими членами общества. При этом становится совершенно неважно, могли они быть очевидцами событий или это невозможно, хотя бы в силу временной и пространственной локализации. Человек может одинаково «помнить» трагедию 11 сентября 2001 г. и нападение японцев на Перл-Харбор, присоединение Крыма в 2014 г. и начало Первой мировой войны или Революцию 1917 г., так как и о том, и другом он узнает из одного медиаисточника и наблюдает в режиме реального времени в документальных или художественных фильмах и сериалах. Эти события становятся частью воспоминаний индивида в силу принятия им их очевидности, выраженной через медиа. Восстанавливая семейную историю, люди пытаются встроить ее в исторический контекст, соотнося события истории семьи с событиями истории страны. Отсутствие данных в семейной хронологии заменяются сведениями из национальной истории, а иногда для реконструкции семейных событий используются медиа-сюжеты. Например, А. Линченко в своем исследовании о нарративах семейной памяти отметил, что, рассказывая об истории своей семьи, респонденты недостающие данные заменяют кинематографическими историями, историческими текстами, популярными художественными рассказами или новостными сообщениями (Линченко, 2020, с. 58-60). Медиа постоянно создают новые представления о прошлом, являющиеся смесью образов и нарративов, которая возникает в результате постоянного обмена между культурой и коллективной памятью.

Образы прошлого воспроизводятся в различных медиа множество раз на протяжении десятилетий и даже столетий. Газетные статьи, фотографии, дневники, исторические сочинения, художественные романы и фильмы тиражируют представления о прошлом, вписывая их в определенный сложившийся канон репрезентации событий. Как показал Я. Ассман именно «канонизация» воспоминаний делает их культурной памятью. Медиа передают информацию о реальных событиях с помощью повествовательных конструкций, циркулирующих в медиакультуре. Они становятся трансмедиальными явлениями, т. е. их репрезентация не привязана к одному конкретному медиасредству, а представлена во всем спектре доступных носителей информации. Медиаальные конструкции, воспроизводящие образы прошлого, подготавливают общество к восприятию новых событий в рамках созданных культурных канонов, определенных схем, которые доступно объясняют реальность. Война 1812 г. благодаря усилиям журнала «Сын Отечества» воспринималась современниками как «скифская война», что объясняло длительное отступление русской армии, представления о колониальных войнах для европейцев предопределили восприятие Первой мировой войны, а она, в свою очередь,

стала моделью для описания Второй мировой войны. В данной связи А. Эрлл отметила, что «Путешествие пилигрима» Джона Баньяна (1678) с его эпизодом «Долина тени и смерти» послужило основой для многих дневников и писем, написанных во время Первой мировой войны, а американское понимание и представление событий 11 сентября 2001 г. было явно предопределено фильмами-катастрофами, повествованием о крестоносцах и библейскими историями (Erll, 2008, p. 393). Также можно добавить, что кадры театрализованной постановки 1920 г. «Взятие Зимнего дворца», зачастую воспринимаются как документальные, а само событие из режиссерского вымысла превратилось в культурной памяти в исторический факт октябрьской ночи 1917 года. Обратный процесс включения исторического документального материала в художественные фильмы, а также интеграция в них фотографий и кинокадров для создания эффекта реалистичности также приводит к тому, что авторский вымысел воспринимается как факт истории. Медиаареконструкции прошлого делают его понятным, визуализируют ушедшую реальность и придают ореол подлинности творческой интерпретации истории. Медиа, таким образом, играют решающую роль в стабилизации памяти об исторических событиях и превращения их в коллективные воспоминания.

В эпоху социальных медиа представления о прошлом создают не только сами художественные и документальные произведения разного жанра, сколько то, что создается вокруг них, контекст. Медиаарепрезентации прошлого открывают и направляют общественное обсуждение, которое и придает им мемориальное значение. Реклама исторических фильмов и книг, публицистические статьи и критические отзывы, фильмы и ролики обзоров на YouTube-каналах, комментарии в социальных сетях, интернет-мемы, отражающие повестку дня, компьютерные игры, посвященные исторической и художественной тематике — все это составляет коллективный контекст, определяет восприятие событий прошлого и делает их частью культурной памяти.

Выводы

Существующие теории описания коллективной памяти в эпоху цифровизации как коммуникативной, культурной или цифровой не позволяют дать о ней адекватного представления, так как не учитывают всю специфику конструирования представлений о прошлом с помощью медиа. Индивидуальная память так же, как и раньше, задается социальными рамками, но эти рамки определены медиа, аккумулировавшими коллективные представления. Коммуникативная память, охватывающая воспоминания о недавнем прошлом, формируется уже не в результате личного опыта или непосредственного общения с очевидцами событий, а информацией СМИ и контентом социальных сетей, испытывая на себе колоссальное влияние культурных и исторических образов. Репрезентация событий в медиа посредством применения культурных шаблонов, конструкций, стереотипов не позволяет разграничивать

коммуникативную и культурную память, так как недавнее прошлое очень тесно сближается с давним, а иногда и путается. Культурная память становится полностью опосредована в связи с интеграцией культуры в цифровую среду. Культура больше не является механизмом хранения, воспроизводства и забвения воспоминаний, он стал виртуальным и цифровым, а его функционирование обеспечено медиатехнологиями. Процесс цифровизации архивов, документов и вообще всей информации, а также инструментов познания и репрезентации представлений о прошлом позволяет говорить о превращении коллективной памяти в цифровую. Однако цифровизация коллективной памяти предполагает не только использование машинных алгоритмов для создания, хранения и воспроизводства воспоминаний, но и трансформацию их в медиапродукты. Цифровые технологии и социальные медиа не просто создают представления о прошлом, они медиатизируют их, делая ресурсом воспроизводства воспоминаний, и изменяют их содержание, привнося элементы культурного влияния в виде популярных образов, стереотипов, мифов, штампов и т. д., что определяется логикой медиаконструирования реальности. Таким образом, медиатизация коллективной памяти приводит к возникновению нового феномена, являющегося виртуальным механизмом воспроизводства воспоминаний в цифровой среде — медиапамяти.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Список литературы

- Baltezarević, B., Milutinović, O., Baltezarević, R., & Baltezarević, V. (2020). Digital storage and online mediated memory. *International Review*, 1-2, 34-41. <https://doi.org/10.5937/intrev2001034b>
- Bartoletti, R. (2011). Memory and Social Media: New Forms of Remembering and Forgetting. In *Learning from Memory: Body, Memory and Technology in a Globalizing World* (pp. 82-111). Cambridge Scholars Publishing, Newcastle UK
- Dijck, J. (2007). *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford UP. <https://doi.org/10.5860/choice.45-3831>
- Erl, A. (2008). Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory. In *Literature, Film, and the Mediality of Cultural* (pp. 389-398). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110207262.6.389>
- Fowles, J. (1996). *Advertising and popular culture*. Sage Publications.
- Garde-Hansen, J. (2011). *Media and Memory*. Edinburgh University Press.

- Garde-Hansen, J., Hoskins, A., & Reading, A. (2009). *Save as... Digital memories*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230239418>
- Hoskins, A. (ed.). (2017). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235>
- Neiger, M., Zandberg, E., & Meyers, O. (2011). *On media memory: Collective memory in a new media age*. Palgrave Macmillan <https://doi.org/10.1057/9780230307070>
- Neiger, M. (2020). Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age. *Sociology Compass*, 14. <https://doi.org/10.1111/soc4.12782>
- Thompson, J. B. (1995). *The media and modernity: A social theory of the media*. Stanford University Press.
- Агеева, Г. М. (2012). Медиатизация памяти: Мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях. *Вестник Томского государственного университета*, 363, 68-74.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Языки славянской культуры.
- Гуреева, А. Н. (2016). Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды. *Вестник Московского Университета. Серия 10: Журналистика*, 6, 192-208.
- Ланская Д. В., Гергель А. В., Жане Н. Х., & Стефанович И. К. (2019). Перспективная модель архива в эпоху постмодерна и в цифровой экономике. *Хранитель знаний или поставщик социально-значимой информации? Естественно-гуманитарные исследования*, 26(4), 124-129.
- Линченко, А. А. (2020). «Мы сами—Время»: Динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 1. *Tempus Et Memoria*, 1(1-2), 53-67. <https://doi.org/10.15826/tetm.2020.1-2.006>
- Лотман, Ю. М. (2010). *Семьюсфера*. Искусство-СПб.
- Маклюэн, М. (2003). *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
- Мерзлякова, В. Н. (2020). Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 8(2), 289-302. <https://doi.org/10.28995/26867249-2019-8-289-302>
- Михайлин, В. Ю. (2022). *Бобер, выдыхай!: Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции*. Новое литературное обозрение.
- Мороз, О. В. (2019). Компьютинг на страже памяти? Рец. на Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A (Eds.) *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009. *Фольклор и антропология города*, 2(1-2), 403-419.
- Нора, П. (1999). Проблематика мест памяти. В *Франция-память* (с. 17-50). Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Олешко, В. Ф., & Олешко, Е. В. (2020). СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3074-4.0>
- Петров, Н. В. (2021). Цифровые архивы частной памяти. *Шаги-Steps*, 7(1), 29-56. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56>

- Сафронова, Ю. А. (2019). *Историческая память: Введение*. АНО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге».
- Сумская, А. С., & Свердлов, С. А. (2019). «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: Роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 25(3), 32-48.
- Хальбвакс, М. (2007). *Социальные рамки памяти*. Новое издательство.

References

- Ageeva, G. M. (2012). Mediatization of Memory: Memoirs in Blogs and Social Networks. *Bulletin of Tomsk State University*, 363, 68-74. (In Russian)
- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Languages of Slavic culture. (In Russian)
- Baltezarević, B., Milutinović, O., Baltezarević, R., & Baltezarević, V. (2020). Digital storage and online mediated memory. *International Review*, 1-2, 34-41. <https://doi.org/10.5937/intrev2001034b>
- Bartoletti, R. (2011). Memory and Social Media: New Forms of Remembering and Forgetting. In *Learning from Memory: Body, Memory and Technology in a Globalizing World* (pp. 82-111). Cambridge Scholars Publishing, Newcastle UK
- Dijck, J. (2007). *Mediated Memories in the Digital Age*. Stanford UP. <https://doi.org/10.5860/choice.45-3831>
- Erl, A. (2008). Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory. In *Literature, Film, and the Mediality of Cultural* (pp. 389-398). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110207262.6.389>
- Fowles, J. (1996). *Advertising and popular culture*. Sage Publications.
- Garde-Hansen, J. (2011). *Media and Memory*. Edinburgh University Press.
- Garde-Hansen, J., Hoskins, A., & Reading, A. (2009). *Save as... Digital memories*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230239418>
- Gureeva, A. N. (2016). A Theoretical Understanding of Mediatization in the Digital Environment. *Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism*, 6, 192-208. (In Russian)
- Halbwachs, M. (2007). *The social framework of memory*. New publisher. (In Russian)
- Hoskins, A. (ed.). (2017). *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315637235>
- Lanskaya D. V., Gergel A. V., Janet N. H., & Stefanovich I. K. (2019). A promising model of the archive in the postmodern era and in the digital economy. A repository of knowledge or a provider of socially relevant information? *Natural sciences and humanities research*, 26(4), 124-129. (In Russian)
- Linchenko, A. A. (2020). "We Ourselves-Time": The Dynamics of Time and the Meaning of the Past in the Narratives of Family Memory. Part. 1. *Tempus Et Memoria*, 1(1-2), 53-67. <https://doi.org/10.15826/tetm.2020.1-2.006> (In Russian)
- Lotman, Y. M. (2010). *Semiosphere*. Iskusstvo-SPb. (In Russian)

- McLuhan, M. (2003). *Understanding the media: Human external extensions*. CANON Press-C, Kuchkovo Pole. (In Russian)
- Merzlyakova, V. N. (2020). Mediatisation of the collective memory of the 1990s in Runet. *Bulletin of the Russian State University of Humanities. Literary Studies. Linguistics. Culturology*, 8(2), 289–302. <https://doi.org/10.28995/26867249-2019-8-289-302>. (In Russian)
- Mikhailin, V. Yu. (2022). *Beaver, breathe out!: Notes on the Soviet anecdote and the sources of the anecdotal tradition*. *New Literary Review*. (In Russian)
- Moroz, O. V. (2019). Computing for memory? Book Review Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A (Eds.) *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009. *Folklore and the anthropology of the city*, 2(1-2), 403-419. (In Russian)
- Neiger, M. (2020). Theorizing Media Memory: Six Elements Defining the Role of the Media in Shaping Collective Memory in the Digital Age. *Sociology Compass*, 14. <https://doi.org/10.1111/soc4.12782>
- Neiger, M., Zandberg, E., & Meyers, O. (2011). *On media memory: Collective memory in a new media age*. Palgrave Macmillan <https://doi.org/10.1057/9780230307070>
- Nora, P. (1999). The Problematics of Memory Sites. In *France-memory* (pp. 17–50). St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Oleshko, V.F., & Oleshko, E.V. (2020). *Media as a mediator of communicative and cultural memory*. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3074-4.0> (In Russian)
- Petrov, N. V. (2021). Digital archives of private memory. *Steps*, 7(1), 29–56. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56> (In Russian)
- Safronova, Y. A. (2019). *Historical Memory: Introduction*. European University in St Petersburg. (In Russian)
- Sumskaia, A. S., & Sverdlov, S. A. (2019). “Analog” and “digital” media audience generation: The role of communicative-cultural memory in the transformation of media practices. *Izvestia of Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*, 25(3), 32–48. (In Russian)
- Thompson, J. B. (1995). *The media and modernity: A social theory of the media*. Stanford University Press.